

Проблемы взаимопонимания: непонимание, возникающее из-за межкультурных различий при рассмотрении дел о предоставлении убежища

Валлер Калин ^[1]
Бернский университет, Швейцария

Данная статья посвящена непониманию, связанному с различиями в культуре лица, ищущего убежище, и официального представителя, которое может серьезно исказить процесс диалога при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища и тем самым уменьшить возможность беженцев из стран третьего мира доказать обоснованность своих ходатайств.

Законодательство и правовые системы являются продуктами культуры, так же как и религия, идеология и искусство; они представляют собой осмысленные структуры, в которых протекает жизнь отдельных лиц и групп населения. Это – символы и системы символов, с помощью которых эти структуры формируются, развиваются, изменяются и репродуцируются (Герц, 1983:182) .

Культурная основа законодательства сильно влияет на поведение лиц, участвующих в юридических процедурах. Это очевидно в тех странах, где плюралистические правовые системы, в которых глубоко противоречащие друг другу традиционные понятия о праве и справедливости и импортируемые современные концепции формируют правовой процесс и питают его информацией. (Герц, 1983:220). Эти противоречия не всегда разрешаются в соответствии с потребностями всех участников этого процесса. Наоборот, отсутствие понимания между представителями разных правовых культур свойственно плюралистическим юридическим системам (Боханна, 1965:39; Хукер, 1975:53). Данный конфликтный аспект правового плюрализма предметно проявляется в ситуации, когда иностранцы предстают перед судом в другом государстве. Одним из примеров растущего значения этого является трудное положение, в котором находятся беженцы из стран третьего мира, ищущие политическое убежище в промышленно развитых странах Запада, и ходатайства которых рассматриваются в рамках официальной процедуры предоставления убежища.

Поскольку немногие лица, ищущие убежище, могут представить письменные доказательства в виде судебных решений, ордеров на арест или сообщений в прессе об их аресте, многие страны в основном полагаются на результаты личных допросов этих лиц или судебных слушаний с целью изучения фактов дела и установления обоснованности доказательств заявителей. При отсутствии письменных доказательств, допрос заявителя или рассмотрение его дела в суде, и соответственно диалог между лицом, ищущим убежище, и официальным представителем, являются чрезвычайно важным моментом для принятия решений по ходатайствам о предоставлении политического убежища. Это особенно характерно для тех случаев, когда компетентный орган склонен обосновывать свои отрицательные решения главным образом на фактических аргументах, т.е. если он пытается доказать, что ввиду противоречивых или неправдоподобных заявлений или очевидной лжи заявитель не смог доказать истинные причины своих претензий на статус беженца.

В настоящей статье указаны пять (частично перекликающихся друг с другом) причин, препятствующих неискаженному диалогу между лицом, ищущим убежище, и официальным представителем. Они включают в себя а) манеру самовыражения лица, ищущего убежище; б) переводчика; в) культурную сопоставимость понятий и концепций; г) различия в восприятии времени; д) культурную сопоставимость понятий «лжи» и «правды». Хотя данный перечень далеко не исчерпывающий, в нем охвачены те факторы, которые не только неоднократно наблюдались автором, когда он выступал в качестве адвоката, консультирующего и представляющего лиц, ищущих убежище, но также выделяются антропологами и социологами в качестве общих (т.е., выходящих за рамки вопроса об убежища) черт, характеризующих либо судебные процедуры (например, дело Барра, 1979 г.; Данет, 1980 г.), либо общение представителей разных культур (например, Мир-Джалали, 1980 г.; Фурнхема/Бочнера, 1982 г.; Гумперца, 1982 г.). Настоящий анализ основывается на решениях судебных слушаний по ходатайствам о предоставлении убежища в Швейцарии ^[2], которые компетентные федеральные органы должны организовывать по каждому ходатайству о предоставлении

убежища, за исключением явно необоснованных требований (статья 16 Закона об убежище от 5 октября 1979 года). Это позволяет не только установить факты, но в отсутствие достаточных письменных доказательств принять решение о том, что заявителем представлены «достоверные доказательства, чтобы его рассматривали в качестве беженца» (статья 12 Закона об убежище). Хотя заключения данной статьи основываются на процедуре, принятой в Швейцарии, они также актуальны и для других стран с подобным порядком предоставления убежища, поскольку в их основе лежат общие причины, вызывающие непонимание в процессе общения представителей разных культур.

Манера самовыражения

Доверие к фактам, сообщаемым заявителем, зависит не только от их содержания, но и от того, как они подаются (Линд/О'Барр, 1979:67). Существует множество свидетельств того, что от манеры речи зависит доверие к лицам, участвующим в судебном процессе. Например, было отмечено, что «ответчика», ведущего себя вежливо и говорящего грамматически правильно построенными полными предложениями, обычно оправдывают; при этом выигравшие их дела адвокаты «на словах были более утвердительными, говорили больше времени и выступали с более ясными заявлениями, чем менее успешные представители другой стороны» (Данет, 1980:370, резюме Паркинсона, 1979 г.). При обсуждении дел присяжными «качество голоса и стиль речи рассматривались как мощные аргументы и, если не как вестники победы, то во всяком случае как фактор влияния на позицию людей» (Шерер, 1979:118). Как показывает опыт, доверие к свидетелю в значительной степени зависит от его способности говорить связно и «повествовательно» в отличие от манеры выражаться обрывочно (Линд/О'Барр, 1979:71-79).

Несмотря на то, что способность к самовыражению зависит, по крайней мере частично, от личности (Шерер, 1979:118) и уровня образования выступающего, даже высокообразованные беженцы с сильно выраженной личностью могут быть неспособными убедительно представить свои аргументы по причинам, которые свойственны лицам, ищущим убежища. Многие из них являются жертвами того, что Оберг (1960 г.) называет «культурным шоком», и что Фурнхэм/Бочнер (1982:171) характеризуют как «удручающее, растерянное, депрессивное, вызывающее беспокойство, унижающее, смущающее и в целом напряженное» положение лиц, попадающих из одной культурной среды в другую. Особенно в случае с беженцами из стран третьего мира культурный шок вполне может серьезно отразиться на способности человека выступать убедительно. Такой человек, ищущий убежища, может говорить путано, нервно, сбивчиво и неубедительно, не потому что он говорит неправду, а потому что он испытывает чувство беспокойства и неуверенности, вызванное трудностями жизни в полностью новой социальной и культурной среде.

Концепция субкультуры (Агар, 1977 г.) полезна для определения дополнительного способа решения проблем доверия в отношении определенных групп лиц, ищущих убежища. Например, бывшие члены политических партий и объединений, вобрали глубоко в себя отношения секретности и подозрительности к посторонним; они являлись частью социальной сети, главным образом построенной на этих отношениях, которые имели огромное значение для успеха деятельности организации, а также для свободы и даже жизни ее членов. Таким лицам трудно вести открытый диалог и открывать свою личность, чувства, убеждения и опыт перед любым другим человеком, не входящим в их группу, поскольку, поступив так, они нарушат основные нормы своей субкультуры. Если в ходе судебных слушаний по вопросу о предоставлении убежища они почувствуют, что допрашивающий их официальный представитель не разделяет их идеологию и политические воззрения, они скорее всего станут выражаться сдержанно и нерешительно, тем самым излагая путанную и обрывочную историю.

Наконец, способность говорить убедительно может неумышленно ограничиваться официальным представителем по причине того, как он пытается выстроить и направить свой диалог с лицом, ищущим убежища. По наблюдениям ряда авторов, в определенных странах, не относящихся к Западу, важно позволять участникам судебных слушаний свободно говорить на темы, которые непосредственно не касаются предмета разбирательства (например, Глюкман 1955:95 по вопросу о судах в африканских странах; Старр, 1978:274/275 о турецких судах; Гумперц, 1932:174-85 о деле, связанном с отношениями между британским адвокатом и индийским клиентом). В Швейцарии (равно как и других западных странах) слушания по вопросу о предоставлении убежища строятся на иных принципах: официальные представители часто напоминают

заявителям, что они должны отвечать только на те вопросы, которые им задаются; они прерывают выступление, если лицо, ищущее убежище, начинает объяснять вопрос, который ему представляется важным, однако, по мнению официального лица, не относится к делу. Это может привести к ситуации, когда «оба выступающие совершенно не могут договориться об общих рамках и решить, на чем следует сосредоточить внимание, и в каком направлении в любой момент времени развивается дискуссия». Это – ситуация, когда обе стороны «идут параллельными курсами, которые не пересекаются» (Гумперц, 1982:185).

Переводчик

Переводчики не только позволяют лицам, не владеющим одним и тем же языком, осуществить диалог, но и выступают в роли «посредников между разными культурами» (Бикли, 1962:107).

Однако ввиду существования тесной связи между языком и культурой даже самые блестящие переводчики могут выполнять свою задачу, только если в своих переводах они стремятся передавать культурный контекст, в котором употребляются слова и понятия. Зачастую переводчики, участвующие в процедуре установления права на получение убежища, не только не обладают этим навыком – порой они просто профессионально непригодны или ошибаются из-за усталости, вызванной продолжительным слушанием дела. Все это может исказить диалог, в котором принимает участие лицо, ищущее убежище, или беженец. Особое значение приобретает структурная проблема, связанная с необходимостью использования услуг переводчиков. По крайней мере, в Швейцарии переводчики часто являются представителями той же национальности, что и лица, ищущие убежище, поскольку таких переводчиков нет среди швейцарцев. В этих случаях лица, ищущие убежище, постоянно подозревают переводчика в коллаборационизме и принадлежности к посольству своей страны, что якобы позволит им передать информацию правительству, которое преследует этих лиц. По этой причине лица, ищущие убежище, могут испытывать опасения, ограничить свои выступления минимумом важной информации и даже утаить факты, которые чрезвычайно важны для получения убежища. Авторы швейцарского закона об убежище учли эту проблему: согласно статье 16, лицо, ищущее убежище, может воспользоваться услугами переводчика по своему выбору, а не назначенного представителями властей. Однако это положение закона решило проблему лишь частично; теперь подозрения в предвзятости перевода зачастую испытывают официальные представители. Эти переводчики часто являются друзьями лиц, ищущих убежище, или политическими соратниками. Поэтому официальные представители могут заподозрить их в том, что они не просто переводят, а интерпретируют и приукрашивают слова заявителя. Это становится особой проблемой, когда, как это часто происходит на практике, переводчик дает свои комментарии и выражает открытую поддержку лицу, ищущему убежище, в ходе слушаний.

Культурная сопоставимость понятий и концепций

Слова, понятия и концепции в одной и той же оболочке часто имеют разные значения в разных культурах. Их содержание определяется культурной средой. Поскольку существует множество «мироверсий» и «мировоззрений» (Гудман, 1978 г.) и множество «путей строительства своего мира» (Гудман, 1978 г.), значение, которое один человек вкладывает в конкретное выражение, может отличаться от понимания этого выражения другим человеком. Культурная сопоставимость слов, понятий и концепций и, что еще более важно, непонимание этих различий являются главными причинами недопонимания при проведении диалога представителями разных культур. Естественно эта проблема присуща процедуре рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища: слишком часто официальные представители считают, что лицо, ищущее убежище, думает так же, как они. Не понимая, что «сегодня все мы – представители коренной национальности, и что любой, кто не с нами, - экзотика» (Герц, 1983:151), они игнорируют задачу, которую Герц (1983:151) определяет как «культурную герменевтику», т.е. попытку перевести значение выражений лица, ищущего убежище, на свой язык. Это может привести к серьезным непониманием и даже отказу от предоставления убежища истинным беженцам, которые терпят неудачу, несмотря на максимальные попытки предоставить всю необходимую информацию, и все из-за того, что их заявления неправильно истолковываются другой стороной.

Непонимание, вызванное проблемой сопоставимости понятий и концепций, может быть разным по своей степени. Это связано с тем, что общего значения часто нет не только у абстрактных философских или религиозных понятий, но зачастую и у внешне непроблематичных слов, используемых в повседневной речи.

Например, такие слова, как «я», «себя», «страна», «политика» означают совершенно разные понятия для таких разных групп студентов, какими являются иранцы и американцы (Мир-Джалали, 1980 г.), а терминами «брат» и «двоюродный брат» многие африканцы называют не только очень близких родственников, но и всех членов племени. Если официальный представитель не знаком с таким употреблением слова «брат», он, вероятно, сочтет неправдой заявление африканца, ищущего убежище, который утверждает, что ему помогли уехать из страны его братья, которые работают в тюрьме, паспортном управлении и аэропорту. Подобное

недоразумение произошло при рассмотрении ходатайства турка, ищущего убежище, в Швейцарии ^[3], которое было отклонено по той причине, как это было указано в решении, что его заявление о том, что он укрылся от ареста в горах недалеко от своего города, не может являться правдой, так как этот город не окружен горами. На самом деле, город расположен среди холмов. Швейцарец четко различает понятие «гора», т.е. крутое скалистое возвышение, уходящее выше черты облесения, и понятие «холм». Официальный представитель, очевидно, принял неправильное решение, поскольку не знал, что в отличие от Швейцарии в Турции слово «гора» также относится к холмистой местности. Непонимание среди представителей разных культур также могут быть вызваны непреднамеренно предвзятым толкованием заявлений официальным представителем ввиду собственного понимания права. Это имело место в другом деле, которое рассматривалось в Швейцарии. Ходатайство молодого турка-рабочего было отклонено как не вызывающее доверия из-за содержащихся в нем противоречий; в решении было сказано, что в своем письменном заявлении на получение убежища молодой человек заявил, что он в прошлом являлся членом нелегальной политической партии, а на слушаниях его дела он признал, что являлся лишь сторонником партии и распространял пропагандистские материалы.

Различие правового характера, которое официальный представитель применил для терминов «член» и «сторонник» политической партии, абсолютно справедливо в отношении партий в Швейцарии, однако бессмысленно в применении к принадлежности к нелегальным, подпольным организациям, которые строятся на основе малых «ячеек» с тщательно отобранными членами, и которые в значительной степени зависят от пропагандистской работы, выполняемой большим количеством своих членов; такие сторонники не являются периферийными представителями организации и не рассматриваются в качестве таковых самими властями; в случае ареста они подвергаются таким же видам преследования, как и члены партийных «ячеек». Приняв формалистический подход в соответствии со швейцарским правом, официальный представитель ошибочно сосредоточил внимание на различии между членами и сторонниками партии и поэтому принял решение, которое с учетом ситуации в Турции не подходит для точной оценки ходатайства о получении убежища.

Еще одним возможным источником недоразумений, возникающих при рассмотрении дел о предоставлении убежища, являются определяемые культурой самообраз и самовосприятие. В соответствии с международным и швейцарским законодательством о беженцах, чтобы быть признанным беженцем, лицо, ищущее убежище, должно являться жертвой гонений со стороны государства; недостаточно лишь испытывать неблагоприятные условия, в которых проживает все население. Для установления соответствия этому требованию законодательства, все заявители в ходе слушаний должны ответить на вопрос, подвергались ли они более жесткому преследованию, чем средние граждане страны их происхождения. Официальные представители ожидают, что настоящие беженцы должны ответить на этот вопрос утвердительно, однако по своему опыту автор может утверждать, что истинные беженцы, которые проявляли большую политическую активность, часто отвечают «нет». Давая «неправильный» ответ, они рискуют получить оценку как лица, не достойные убежища. Сама форма вопроса основывается на западном понимании индивидуализма, которое Герц (1983:59) определяет и оценивает следующим образом:

Западная концепция личности – это очерченная, уникальная и более-менее объединенная по мотивации и познанию вселенная, динамический центр знаний, чувств, суждений и действий, организованных в рамках отдельного целого и отличающихся как от других подобных целых, так и своим социальным и природным происхождением. Каким бы безупречным это определение ни казалось нам, оно представляется довольно странной идеей в контексте других культур мира.

Особенность западной концепции личности становится очевидной при сравнении со многими другими культурами: в Марокко, например, «личность определяется ассоциативными связями с окружающим ее обществом» (Герц, 1983:66), а в Иране понимание личности главным образом основывается на ценностях,

«которые относятся к коллективу и рассматриваются как общественные качества» (Мир-Джалали, 1980:313). Эти примеры объясняют, почему внешне «неправильные» ответы беженцев нельзя расценивать как признаки, свидетельствующие об отсутствии личных гонений. Их нужно понимать как выражение глубокой солидарности этих политических активистов с судьбой своих угнетенных народов.

Также определяется культурой и соответственно не является всеобщей концепция «здравого смысла». Решения по вопросам предоставления убежища, принимаемые в Швейцарии, часто содержат определения, в соответствии с которыми конкретное заявление не может рассматриваться как правдивое, поскольку оно противоречит «обычному жизненному опыту», т.е. здравому смыслу. Например, неоднократно указывалось, что здравому смыслу противоречит утверждение о том, что лицу угрожают политические гонения, если это лицо смогло покинуть свою страну с действительным паспортом, или если оно было выпущено на свободу без привлечения к суду за совершение какого-либо уголовного преступления. Некоторые из этих решений были отменены после подачи апелляции, например, когда заявитель мог предоставить новые доказательства. В этих случаях понятие «здравого смысла» явно не служило инструментом для правильной оценки утверждений о преследовании. Это не случайно; подобная аргументация почти неизбежно должна рассыпаться. Как показывает Герц, здравый смысл – это «культурная система», основывающаяся на том же фундаменте, что и другие подобные системы; а именно, на убеждении тех, кто апеллирует к здравому смыслу, что это истина» (Герц, 1983:76); это также кажущееся «фактическое восприятие реальности», а на самом деле ее оценка, построенная на историческом опыте» (Герц, 1983:75-6). Поэтому здравый смысл может быть полезным для действий и их понимания в конкретном обществе. Однако он не является эффективным средством оценки возможности и вероятности событий в обществе, которое отличается от того, в котором живете вы. Здравый смысл официального представителя обладает ограниченной ценностью для понимания многих реальностей в стране происхождения лица, ищущего убежище.

Разное восприятие времени

Многие ходатайства о получении убежища отклоняются из-за противоречивых ссылок на время и продолжительность конкретных событий. Противоречивые указания времени могут быть связаны с разными причинами и поэтому не должны рассматриваться как доказательство того, что лицо, ищущее убежище, говорит неправду. Они могут стать результатом ухудшения памяти с момента бегства до слушаний, между которыми иногда проходит больше года. Лицо, ищущее убежище, может в повседневной жизни пользоваться западным (например, мусульманским) календарем и ошибаться при переходе на даты западного календаря. Кроме того, течение времени не воспринимается всеми одинаково, и у представителей разных культур могут быть разные понятия о времени и его течении. Например, понятие о времени среди жителей острова Бали «явно связано не с продолжительностью, а с пунктуальностью. . Оно не используется . . . для измерения скорости течения времени или объема времени, прошедшего с момента какого-то события» (Герц, 1973:393). В Африке члены таких племен, как нуэры, «в большей степени думают о действиях и последовательности действий».

Официальные представители, участвующие в слушаниях по делам о предоставлении убежища, должны быть компетентными не только в соответствующих разделах права, но и в конкретных проблемах межкультурного диалога и конкретной культуре лиц, ищущих убежища, чьи дела они рассматривают. Это требует не только соответствующей подготовки, но и организации работы, которая позволяет официальным представителям заниматься делами лиц лишь из одной или нескольких стран с одинаковой культурой. В ходе слушаний важно избегать атмосферы запугивания, которые еще больше придают нервозности и неубедительности и без того смущенным и взволнованным лицам, ищущим убежище. Важно использовать такую методику допроса, которая позволяет лицу, ищущему убежище, решать, какие заявления относятся к делу, а какие нет. Вопросы официальных представителей не должны задаваться в прямом соответствии с их восприятием права и культурных ценностей. Наконец, только квалифицированные переводчики должны привлекаться к данной работе и, насколько это возможно, не из числа представителей той национальности, к которой принадлежит лицо, ищущее убежище.

Однако другие аспекты процедуры рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища более важны для устранения или, по крайней мере, уменьшения осознанных препятствий на пути к неискаженному диалогу

между лицом, ищущим убежище, и официальным представителем. В данной статье подчеркивается острая необходимость обеспечения эффективных процессуальных прав лиц, ищущих убежище, включая право на всесторонний пересмотр решений о предоставлении убежища; любые ограничения этих прав потенциально снижают шансы на то, что лицам, ищущим убежище, удастся исправить уже случившиеся межкультурные непонимание. Опасность глубоко взаимонепонимания между лицом, ищущим убежище, и официальным представителем также подчеркивает необходимость соблюдения принципа истолковывать сомнения в пользу лиц, ищущих убежище, подающих вызывающие доверие ходатайства о признании их беженцами *prima facie* (См. УВКБ ООН, 1979:48; Завала-Бонилла против INS, 730 F.2d 562, 556, 9 Цир. 1984 г.). Как лица, ищущие убежище, так и официальные лица зачастую являются узниками собственных определенных их культурами воззрений и мышления. В результате этого возникает все больше недоразумений, и если сомнения не будут истолковываться в пользу лиц, ищущих убежище, истинным беженцам будет отказано в убежище, и это может привести к самым серьезным юридическим последствиям, а именно к депортации этих лиц в страны, где их могут задержать, пытаться и убить по причине их расы, религии, национальности, принадлежности к конкретной социальной группе или политических убеждений.

[1]

Я хотел бы выразить благодарность профессору Сэлли Ф. Мур и Деборе Анкер за их большую помощь и ценные советы.

[2]

Автор выступал в роли адвоката лиц, ищущих убежище, в Швейцарии в период с 1980 по 1983 годы; большинство из наблюдений, содержащихся в данной статье, основаны на опыте этой работы.

[3]

Решения о предоставлении убежища в Швейцарии не публикуются.